

Американский проект для Восточной Европы

Н. ПЛИСКЕВИЧ: *Абстрактный проект для конкретной ситуации. К итогам дискуссии*

«Американский проект для Восточной Европы» — так было озаглавлено нами развернувшееся на страницах журнала обсуждение статьи лауреата Нобелевской премии известного американского экономиста Милтона Фридмана «Четыре шага к свободе»¹. Может быть, в этом определении — американский проект — кроется наиболее существенная черта и самой статьи Фридмана, и, как следствие, отношения к нему советских исследователей.

При всей бесспорности многих положений крупнейшего авторитета мировой экономической науки нас, призванных воспринять эти рекомендации, не оставляет чувство некоторой неудовлетворенности. Многие уже осознали и необходимость ограничения роли государства в экономике, и неизбежность признания частной собственности, и важность приватизации, и значение стабилизации денежной системы. Верховными Советами СССР и союзных республик принимаются соответствующие законы. Сегодня мы их критикуем за недостаточную радикальность, видим, как депутаты, отражающие интересы тех, кто сопротивляется реформам, пытаются вносить и вносят в эти законы положения, но сути, блокирующие прогрессивные преобразования. Но все же сам факт, что темы эти вошли в

повседневную жизнь, свидетельствует о значительных сдвигах в общественном сознании. Ведь еще два года назад робкие попытки включения в законодательные акты понятия «частная собственность» встречали возмущенный отпор.

* * *

Вопрос для нас сегодня не в том, *что* делать для перехода к рыночной экономике, а *как* это сделать. Фридман же, очерчивая путь реформ в самых общих чертах, именно на этот, главный для нас сегодня вопрос ответа не дает. Впрочем, американский экономист и сам признает трудность стоящей перед нами задачи: «В бывших тоталитарных обществах имеются развитые системы учреждений, общественных отношений, имущественных прав, которые целиком и полностью враждебны быстрому становлению основных экономических условий свободы в процветания. Такие условия легко провозгласить, но очень трудно воплотить в жизнь» (№ 3, с. 17). «Детальный план, предписывающий, как именно достичь этих условий, невозможен,— пишет он далее.— Специфика будет определяться ситуацией в каждой из стран...» (№ 3, с. 18).

Ученый ограничился перечислением четырех, по его мнению необходимых, условий реформирования экономики, но оставил без ответа вопросы — достаточно ли выполнения этих условий и, главное,

¹ См. «Общественные науки и современность», 1991, № 3. Дискуссия по статье опубликована в №№ 3-5 журнала.

Плискевич П. М. - редактор отдела социально-экономических проблем журнала "Общественные науки и современность".

как их воплотить в жизнь. Это оказалось первой точкой напряжения в дискуссии. Ибо, как отметила Л. Шевцова, «Фридман, сказав о вреде искусственного подхода к решению проблем Восточной Европы, сам попытался создать для нее модель, некие «правила игры», применимые скорее в лабораторных условиях» (№ 4, с. 43). Но, конструируя модель, нельзя забывать, продолжает Шевцова, что она «не может быть одномерной, не может не учитывать качеств той среды, в которой предполагается ее реализовывать. Напомним и другую истину: при осуществлении любой схемы, даже, казалось бы, полностью отвечающей реалиям, полученный результат не совпадает с ожиданиями» (№ 4, с. 44).

С Шевцовой солидарен и В. Давилов-Данальян: «Господин Фридман предлагает сделать четыре шага к свободе. Но дело, мне кажется, не в числе шагов. Откуда мы начинаем шагать? Вот, на мой взгляд, ключевой вопрос. Не куда, а именно откуда, я каким способом. Ведь ясно, что множество возможных, допустимых и реализуемых шагов определяется не конечной, а начальной точкой» (№ 3, с. 23). Но, может быть, именно то, что Фридману свойствен угол зрения человека западного мира, в не дает ему возможности углубиться в проблему с начальной точки. Возможно, как пишет Шевцова, «западному человеку (даже аналитику) трудно во всей полноте осознать степень перевернутости наших бытия и сознания» (№ 4, с. 43). С ней согласен в М. Пискотни: «Думается, Фридман не вполне представляет величину этих трудностей, что вполне понятно: их можно увидеть только изнутри, находясь в самой стране» (№ 5, с. 75). Впрочем, были в дискуссии и попытки объяснить такой взгляд на проблему американского ученого и с помощью чисто классового подхода. Исходили они прежде всего от тех участников нашей дискуссии, которые твердо стоят на позициях марксистского классового анализа. Так, лидеры марксистской платформы в КПСС А. Бузгалин и А. Калганов считают, «что сам Фридман прекрасно осознает дистанцию между своими идеями и действительностью. Представляется, что для него гораздо важнее не тот конкретный экономический механизм, который

может реально сложиться и функционировать, а заложенные в его исходном пункте классовые и идеологические установки» (№ 3, с. 30). Столь же резко выразил свое недовольство абстрактностью модели Фридмана и Ю. Сухотин: «...для науки губительно дурное идеологизирование — подмена фактов оценками, объективных прогнозов проповедями, призывами и посулами» (№ 4, с. 46). Думается, однако, что мы, выступая с такими резкими оценками, исходим не из задач, которые ставил перед собой американский ученый, а из нашего собственного чувства неудовлетворенности и ходом реформ, и тем, что на мучающие нас вопросы о том, как же двигаться к новому обществу, по сути, у нас нет еще конкретного конструктивного ответа.

Представляется, эта неудовлетворенность должна стать толчком для серьезных размышлений на тему: почему абстрактные планы рыночного реформирования экономик советского типа, сталкиваясь с действительностью, дают не тот эффект, на который рассчитывали их авторы. Данная тема также прозвучала в нашей дискуссии, например у Сухотина, отметившего важность для поддержания в обществе надежд на благоприятный исход реформ тщательного анализа причин неудач последних лет (№ 4, с. 46). Вряд ли правомерно списывать абсолютно все эти неудачи лишь на сопротивление реформам, половинчатость преобразований и ч. п. Стоит задуматься и над опытом Восточной Европы, значительно опередившей нас на пути к созданию рыночной экономики. Здесь интересно замечание Р. Гринберга, отметившего, что в восточноевропейских странах вслед за отменой административных ограничений в хозяйственной жизни повсеместно наблюдается «спад производства, а отнюдь не быстрый его рост», что, по мнению Гринберга, вполне закономерно. «Рискну утверждать, — продолжает он, — что в многочисленных рекомендациях западных экспертов восточноевропейским реформаторам в большей или меньшей степени присутствует синдром, который можно было бы охарактеризовать как рыночное мышление, прилагаемое к еще нерыночной экономике. По существу, он сводится к представлению, что высокие цены на то или иное благо — всегда стя-

мул для увеличения его производства, независимо от того, в какой экономической и институционально-правовой среде действуют хозяйствующие субъекты. На самом же деле широкая либерализация цен и доходов в условиях ранее накопленного инфляционного потенциала и — что особенно важно — жесткой монополистической организации хозяйства сначала, как правило, ведет к росту прибыли без увеличения и даже при падении производства, блокирует запуск рыночного механизма ресурсосбережения и вызывает только раскручивание инфляционной спирали, дискредитируя в массовом сознании саму идею реформ» (№ 3, с. 22). Эта тема — рыночное мышление в приложении к нерыночной среде — уже поднималась в нашем журнале в ходе дискуссии по проблемам инфляции². К сожалению, пока она не стала предметом глубокого изучения, хотя именно здесь, как представляется, можно найти корни многих просчетов в экономической политике последних лет, поставивших нашу страну перед реальной угрозой неуправляемой гиперинфляции. Особенно это относится к советской экономической ситуации, которой присущи такие глубокие структурные деформации, каких не авали хозяйства восточноевропейских стран. Структурные перекосы диктуют свои условия и в путях и методах преобразований, и в их темпах. «Даже если сокращение производства оружия на х% вполне приемлемо с оборонной точки зрения, оно может оказаться нереализуемым за короткий срок хотя бы из-за остро встающей проблемы трудоустройства высвобождающихся рабочих, — пишет Данилов-Данильян. — От этого при наших масштабах оборонного комплекса и сколько-нибудь значительной величине х отмахнуться никак нельзя. Конверсия потребует слишком больших средств и времени. И не найдется таких сил, которые сумеют добиться принятия и реализации решения, соответствующего большому х, скольжение по инерции с малым значением этого параметра покажется более приемлемым» (№ 3, с. 25).

² См., например, Гельвановский М. Отсутствие ясного представления об инфляции - главный источник опасности. «Общественные науки», 1990, № 1, с. 124-137.

* * *

Фридман не затронул проблему структурного дисбаланса восточноевропейских экономик и тех трудностей, которые с ней связаны. Этого, представляется, существенно не хватает в его анализе. Ибо без рассмотрения данной проблемы трудно ответить на вопрос о желательных темпах преобразований. Здесь, однако, Фридман оказался более сдержанным и умеренным, чем его радикально настроенные последователи в нашей стране: «Переход к свободе не может быть совершен одним прыжком», «переход к стабильному, процветающему, конкурентоспособному капиталистическому обществу неизбежно займет годы, а не месяцы» (№ 3, с. 17, 19).

Среди участников нашей дискуссии есть как сторонники, так и противники этих тезисов. Наиболее четко выразил свое несогласие с ними Р. Евстигнеев: «...кардинальный вопрос: как переходить к рынку — сразу или постепенно? Все мы видим, что сразу нигде не вышло. Но следует ли из этого, что правильным оказался второй подход? Не думаю. Советский Союз и восточноевропейские страны уже давно зашли в такой тупик, выйти из которого можно лишь рывком... По-моему, курс на постепенность смертелен для любой посткоммунистической страны. Только быстрый переход к рынку — и никакие другие меры, даже самые изощренные, не смогут вырвать общество из кризиса» (№ 5, с. 79). Шевцова, напротив, считает трудности, с которыми столкнулись восточноевропейские страны, существенным фактором, свидетельствующим об опасности поспешных реформ, «потому что крепки социальные, психологические и прочие барьеры. Короче, в действие вступает все наследство «реального социализма» (№ 4, с. 43).

И все же, думается, противоречия между этими позициями нет, потому что на деле речь идет о двух разных процессах, что и отметил Гринберг: «Радикальная деэтартизация хозяйственной жизни и уничтожение тоталитарного правления далеко не одно и то же» (№ 3, с. 21). Этот мотив присутствует и у самого Фридмана, когда он, наряду с вышеприведенными высказываниями о неизбежности долгого пути к свободе,

заявляет, что радикальное сокращение сферы деятельности и роли государства «осуществимо только в предельно кризисной ситуации и только, если провести его быстро» (№ 3, с. 18). (Здесь, кстати, никак не объяснено, почему ситуация должна быть предельно кризисной?) Если действия по уничтожению тоталитарной формы правления надо проводить быстро, то «эстатистская экономическая система не может быть демонтирована быстро. Так что всем этим (восточноевропейским и СССР—Д. П.) странам придется пройти сложный период отсутствия всякой системы»,— считает Гринберг (№ 3, с. 21).

Проблему, очевидно, можно сформулировать следующим образом: переход от административной экономики к рыночной — сложный процесс, включающий в себя целый комплекс мер, разных по своей продолжительности и нередко не синхронизируемых во времени. «...Все ли надо делать одинаково быстро?..— спрашивает Пискотня.— Каждый, кто имеет возможность поближе присмотреться к проблемам экономической реформы в СССР, не может не прийти к выводу, что их надо решать поэтапно, по определенному «расписанию» (№ 5, с. 75). Вряд ли спасение реформы в ускорении темпов ее проведения. Гораздо важнее точный выбор *предполагаемых преобразований*. Такие преобразования прежде всего должны действительно вести к рынку, а не носить квазирыночный характер. Темпы же реформ, по-моему, должны быть достаточно быстрыми для того, чтобы старая система не успевала деформировать и приспособить к себе новые структуры, и достаточно медленными для того, чтобы население успевало воспринимать инновации, было готово приспособиться к ним, чтобы глубокие перемены не приводили к социальным взрывам.

* * *

Тема готовности людей к восприятию новых экономических порядков также была затронута в нашей дискуссии. Здесь спектр мнений весьма широк. От категоричного оптимистического утверждения Евстигнеева, что общество созрело для реформ во всех отношениях (№ 5, с. 79) до прямо противоположных точек зре-

ния. «...В обществе еще не сложилось единство, необходимое для целенаправленных глубоких преобразований», — считают Б. Ракитский и Л. Шкира № 4, с. 49). «..Большинство населения страны сегодня вовсе не составляют сторонники экономического активизма. Радующие многих опросы общественного мнения, подтверждающие всеобщую приверженность переходу к рынку, являются, скорее, результатом аффектации, радужных надежд на чудесное избавление, которые быстро сменятся другим настроением. Реакция масс на попытки провести непопулярные меры показывает возможные сценарии»,— предостерегает И. Дискин (№ 3, с. 27). Мне кажется, что такого рода предостережения нельзя отбрасывать, ибо недоучет или неправильный учет действительных настроений масс ставит реформаторов перед опасным выбором в пользу «крутых непопулярных мер», «железной руки диктатора» и т. и. По его мнению, в такой ситуации «нужна сила, которая могла бы противостоять эмоциям, обеспечивать гарантии против напора традиционалистских и люмпенизированных слоев, которые грозит смести относительно малочисленных приверженцев личной и экономической свободы» (№ 3, с. 27). Дискин подчеркивает важность учета готовности населения к преобразованиям, и предлагаемые им «силовые меры» не связаны с тем, что беспокоит другого участника нашей дискуссии Сухотина: «Упование на силовые приемы «освобождает», конечно, реформаторов от поиска нестандартных путей, учитывающих специфику именно советских конкретно-исторических условий, дает «простой» способ реагирования на недовольство неудачами, наряду с заверениями, что в конечном итоге все должно быть прекрасно,— пишет Сухотин.— Но это крайне опасным путем, ибо в действительности никто — ни реформаторы, ни зарубежные советники — не докалывает неминуемости такого успеха» (№ 4, с. 47). В целом же анализ проблем готовности населения к глубоким рыночным преобразованиям, к сожалению, не вышел у нас из сугубо пропагандистских рамок. Практически нет серьезных исследований того, какова будет реакция тех или иных слоев населения на кон-

кретные реформаторские действия. А это ставит под удар сами реформы, ибо без доверия к власти, проводящей преобразование, невозможно осуществить такие радикальные перемены, как перевод экономики на рыночные рельсы

"Все зависит от политической воли народа, от уровня экономического мышления лидеров и от способности этих лидеров убедить массы оказать поддержку назревшим радикальным преобразованиям», резонно напоминает нам Фридман (№3, с.19). В этой сфере видит одну из серьезных проблем и Шевцова: «...пока в истории не было случая выхода из тяжелейшего экономического кризиса при одновременном расширении демократии и политических свобод. И вот здесь мы подходим к одной из самых серьезных ловушек, которые встретили на своем пути посткоммунистические общества. Для того чтобы осуществить болезненную операцию по переходу к рынку, новые власти вынуждены будут прибегнуть к силовым методам. Но где гарантия, что в своих экономических преобразованиях реформаторы до конца ликвидируют директивное управление — идеальную основу монополии на власть? Что если и у новых сил возобладает искушение остановиться на полпути и почитаться сохранить лишь собственные позиции, не рискуя добиваться полного политического и экономического плюрализма?» (№ 4. с. 43). И эту проблему каждой из стран надо будет решать самой. Здесь не помогут ни прецеденты, ни ссылки на «подходящие» и «неподходящие» образцы для подражания

* * *

Участники дискуссии не прошли мимо темы копирования «неподходящих образцов», затронутой Фридманом, который отметил, что «государства, берущие для себя за образец успехи стран Запада, совершают большую ошибку, равняясь на нынешнюю ситуацию, а не на ту, какой она была, когда западные страны находились на такой же стадии, как страны Восточной Европы сейчас... Моделью для Восточной Европы скорее может послужить Гонконг, а не США, Великобритания или Швеция» (№ 3, с. 18). Если Гринберг и Дискин полностью под-

держивают это предостережение американского ученого, видя здесь акцент на иллюзорности расчетов на быстрое достижение уровня жизни, характерного для развитых стран Запада, то другие участники дискуссии улавливают иной смысл в данном тезисе. Ракитский и Шкира усматривают в нем вполне резонное предостережение от «бесперспективности копирования западного опыта» (№ 4, с. 50), а Бузгалин и Калганов делают акцент на том, что, по их мнению, претворение в современную экономическую жизнь Запада рекомендаций монетаристов просто невозможно (№3, с. 29). Данилов-Данильян ставит вопрос по другому: Фридман призывает нас исходить из ситуации, какой она была, когда страны Запада находились на той же стадии развития, что и страны Восточной Европы сегодня. «Когда же такое было? По-моему, никогда. Не было такой ситуации!» (№ 3. с. 24). Действительно, в те годы, когда, скажем, показатели уровня жизни западноевропейских стран были такими же, как в Восточной Европе сейчас, сам мир был иным. Иными были производительные силы, иными — экономические связи между странами. Все условия коренным образом изменились, а потому копирование любых образцов относительная вещь. И если можно, на пример, в опыте человечества выделить какие-то общие закономерности перехода от тоталитаризма к авторитаризму и затем к демократии, то в каждой стране эти закономерности воплощаются по своему. «... Это нельзя не учитывать, когда речь идет о реформировании посткоммунистических обществ, где стоит задача отнюдь не модернизации экономики и демократизации режима (о чем шла речь в Чили или Южной Корее), а создания и базиса, и надстройки заново», — замечает Шевцова (№ 4, с. 43). В противном случае, по ее словам, результатом деятельности «перенимателей опыта» становятся «совершенно невообразимые структуры, наподобие организации высшей власти в советском обществе, в которой сделана попытка скрестить несовместимые — элементы американской и французской политических систем с практикой советов. Что уж тут удивляться последствиям деятельности этого монстра!» (№ 4. с. 42—43).

* * *

Из предложенных Фридманом шагов к свободе наиболее оживленно обсуждались проблемы ограничения роли государства в экономике, приватизации и защиты частной собственности. Важность этих шагов ни у кого не вызывает сомнений, но переход с абстрактного уровня обсуждения проблемы у Фридмана на более конкретный сразу делает весьма уязвимыми, казалось бы, бесспорные положения. При этом характерно, что и в нашей дискуссии выявилось размежевание на сторонников социалистического выбора и их противников.

Сторонники социалистического выбора сегодня, когда стала очевидной неэффективность господствующих в экономиках советского типа форм собственности, ищут опоры своим идеалам в собственности трудовых коллективов, действующих на основе самоуправления, и категорически отрицают крупную частную собственность. Эти позиции характерны в для представителей марксистской платформы в КПСС Бузгалина и Калганова, и для лидеров Комитета содействия рабочему движению Ракитского и Шкиры. Ю. Князев практически весь свой отзыв на статью Фридмана посвятил доказательству того, что выход для восточноевропейских стран можно найти «в новом свободном и добровольном коллективизме, который исходит не из полного разрушения крупных и средних предприятий, а из их преобразования в кооперативные и акционерные рыночные субъекты, в которых коллективная и индивидуальная формы собственности сочетаются и пронизывают друг друга» (№ 5, с. 77). При этом проблема приватизации, по мнению Князева, заключается не в справедливом распределении государственной собственности между всеми гражданами, что либо невозможно, либо служит прикрытием передачи имущества за бесценок узкому кругу более богатых людей, а в «создании подлинно рыночных субъектов, борющихся за свое выживание и процветание в условиях постоянной и безжалостной конкуренции на свободном рынке» (№ 5, с. 78). Это довольно спорный тезис, достаточно широко подвергающийся критике сторонниками других концепций. Прямо высказывается

против такого способа приватизации и сам Фридман, по мнению которого лишь двух способов приватизации крупных предприятий следует избегать: продажи предприятий вместе с землей иностранцам и «передачи заводов в собственность тем, кто на них трудится» (№ 3, с. 18). В целом же на тему приватизации в нашей локальной дискуссии возникла весьма острая полемика, в которой нашли отражение позиция и аргументы, в изобилии присутствующие сегодня в публицистических и научных текстах о разделе государственного имущества. Акцент при этом все-таки делается на соображениях социальной справедливости. Почему мы должны платить за то, что уже оплачено нашим трудом? -спрашивают Бузгалин и Калганов, отрицающие идею выкупа собственности, ибо в нашем обществе «образование капиталов, способных оттеснять большинство от выкупа средств производства, т. е. от обладания собственностью, может быть только следствием злоупотреблений и нелегальных махинаций» (№ 3, с. 30). Ракитский и Шкира высказывают опасения, что идущие в стране процессы приватизации приведут к тому, что «крупнейшими собственниками станут главным образом прежние «работники» авторитарной номенклатуры. Они в новом качестве получат много большую свободу, чем мелкие частные собственники и люди, не имеющие собственности. Государственная власть в нынешнем виде и при господстве такой частной собственности не будет стремиться обеспечить и защитить личную, гражданскую, политическую и экономическую свободу всех членов общества» (№ 4, с. 49).

Другой участник нашей дискуссии - Дискин выступает с иных позиций: «...Для экономического подъема необходимо, чтобы распоряжение собственностью попало в руки квалифицированных и энергичных людей. Допустим, что энергию им придаст надежда на получение своей доли собственности, но где взять квалифицированных собственников, способных распоряжаться крупными предприятиями... При ответе на эти вопросы наш взгляд обращается к значительной части сегодняшних распорядителей государственной собственностью -

руководителям предприятий и объединений, ведущий сотрудникам министерств и ведомств... Видимо, придется отдать значительную часть общенародной собственности ее сегодняшним распорядителям, чтобы «купить» их поддержку рыночных реформ. Это все равно обойдется дешевле, чем разгром всех сил, для которых дороги ценности личности и свободы...» (№ 3, с. 27-28).

Как мы видим, высказанные позиции прямо противоположны, и вряд ли удастся найти компромисс между ними. Если же учесть, что за каждой из этих позиций стоят довольно значительные социальные силы, то не трудно предвидеть, какими опасностями чреват процесс приватизации в нашей стране. Ведь, как пишет Шевцова, «надо помнить, что у нас приватизацию приходится осуществлять не в чистых условиях эксперимента, а в обществе деформированном, в социально-психологическом климате органического неприятия не только всего частнособственнического, но и личностного» (№ 4, с. 43).

Представляется, однако, что дело не только в сопротивлении идеям частной собственности. Семьдесят лет развития привели к тому, что у нас почти совершенно отсутствует одно качество, без которого немислимо развитие здоровых рыночных отношений. Это - *признание принципа священности и неприкосновенности любой собственности*. Фридман в своей статье упоминает лишь требование «защиты частной собственности. Если правительство может ее экспроприировать и станет часто к этому прибегать, собственники будут лишены стимула сохранять свою собственность и преумножать ее экономический потенциал» (№ 3, с. 17). Но в нашей стране столь же беззащитна и собственность государственная, и собственность общественных организаций, и любая другая. Заповедь «Не укради!» попирается в мелком «несуном», и солидным казнокрадом, и предприимчивым «приватизатором» (будь то коллектив или частное лицо).

Отсутствие уважения к принципу священности собственности проявляется не только в повседневной хозяйственной жизни, но и в той легкости, с которой авторы различных проектов приватиза-

ции предлагают раздавать «боны» и «купоны», высчитывать доли и квоты, распределять и перераспределять государственное имущество. Но в такой атмосфере вряд ли возможна предпринимательская деятельность, предполагающая солидные вложения капитала, направленные на действительный подъем экономики и способные дать стабильный и длительный эффект, но не сразу.

Такая атмосфера правовой неуверенности диктует целесообразность вложения капитала в дела, способные дать очень быструю отдачу, очень часто в дела спекулятивного свойства. Такая атмосфера явно не способствует проведению исследований того, что, собственно, мы собираемся приватизировать, какая субстанция скрывается за тем, что вчера мы называли «общенародной собственностью», а сегодня только «государственной». В такой атмосфере почти не находят отклика рассуждения, подобные тем, что были предложены и нашей дискуссии Сухотиным: «... для ориентации в задаче явно недостаточно привычной дихотомии собственности на государственную и частную (те же рабы могут быть объектом обеих форм собственности). Это относится и к связи собственности с хозяйственными механизмами, ибо субъектами хозяйствования и партнерами в рыночных сделках в широких масштабах выступают ныне не сами собственники, а обладатели делегированных полномочий (менеджеры, арендаторы и т. д.). Объем таких полномочий отнюдь не находится в прямой жесткой зависимости от формы собственности, которая за ними стоит» (№ 4, с. 47).

Во всяком случае тех научных рекомендаций, которые имеются сегодня, для квалифицированного решения проблемы приватизации в нашей стране явно недостаточно. Не потому ли Гринберг считает, что их решение «не может быть найдено в рамках априорных научных рекомендаций, а требует подлинного политического искусства» (№ 3, с. 21). Судьба реформы зависит от того, пишет Э. Обминский, «сможем ли мы сформировать экономический механизм, в котором собственник будет заботиться о расширенном воспроизводстве и повышении эффективности принадлежащих

ему предприятий» (№ 4, с. 44-45). И при этом нельзя не помнить замечание Фридмана о том, что «ответственность, так же как и имущество, должна быть распределена между частными владельцами. Нельзя передать имущество частным собственникам, а ответственность оставить государству» (№ 3, с. 18)

* * *

Перераспределение ответственности означает прежде всего резкое изменение роли государства в экономике. Об этом говорит Фридман: «... государственное управление должно быть строго ограничено своими основными функциями и сведено к охране законности и порядка, включая надзор за исполнением частных контрактов, к поддержанию судебной системы, осуществляющей хозяйственный арбитраж и уголовное судопроизводство, к установлению «правил игры», включая определение частной собственности» (№ 3, с. 17). Американский ученый особо подчеркивает, что социальные программы Запада, связанные с государственным сектором, нам сегодня не по карману: «Только достигнутый нами высокий уровень развития позволяет поддерживать столь дорогостоящий и раздутый государственный сектор» (№ 3, с. 18).

Все участники дискуссии солидарны с Фридманом в понимании уменьшения роли государства как уменьшения «чиновничьего вмешательства в экономическую жизнь» (№ 3, с. 29), как разрушения старых и формирования новых структур власти, связанного с общим кризисом тоталитарной системы (№ 4, с. 49). Но, по мнению многих, «современное государство призвано выполнять гораздо более широкие функции, чем охрана правопорядка и установление «правил игры» (№ 5, с. 76). Действительно, пишет Даирилов-Данильян, «разве можно рассуждать об объеме государственного сектора (пусть даже при нашем убогом уровне), не обращая внимания на иные факторы, параметры и обстоятельства, такие как огромность территории и многочисленность населения, научно-техническая революция... катастрофическая ситуация с окружающей средой, беспрецедентная инерцион-

ность физически гигантского производственного аппарата?» (№ 3, с. 24).

По мнению Обнинского, путь резкого ограничения государственного управления, сведения его к охране законности и порядка очень опасен, «особенно если учесть социально-экономическую и политическую нестабильность в нашем регионе. Ни в коем случае не призывая к «завинчиванию гаек» и сохранению «бюрократического балласта», я полагал бы, что в процессе становления рыночных структур крайне важны действенные инструменты власти как необходимое условие менее разрушительной (в первую очередь в социальном плане) трансформации планово-распределительной экономики в рыночную. Разумеется, эти инструменты должны быть ориентированы на всемерное развитие рынка и тем самым носить принципиально иной характер, нежели «меры пресечения» в прошлом. Но вместе с тем, они не могут не учитывать укоренившегося среди части нашего населения взгляда на рыночные структуры как на источник легкой наживы за счет того же государства и, соответственно, должны помогать именно здоровым силам в нашем деловом мире, чтобы изжить в обыденном сознании искаженный образ советского предпринимателя» (№ 4, с. 45-46). Дискин же предлагает «принять тезис о новой роли государства, которое только и сможет служить гарантом устойчивости социальной системы, необходимой для постепенного вовлечения большого числа людей в экономическую жизнь» (№ 3, с. 27).

В этой полемике между Фридманом и его оппонентами, по-моему, нет неправых. Вновь столкнулись правда абстрактных рекомендации американского ученого и правда очень сложной, противоречивой ситуации "разброда и шатаний" переходного периода. Здесь также нельзя забывать об одной детали. Фридман принадлежит к той школе западной экономической мысли, которая в качестве одного из своих постулатов содержит требование минимизации роли государства. Другие же школы по-иному расценивают эту роль. И нельзя не видеть, что в сложные периоды радикальных экономических перестроек, какими были, например, в США 30-е годы или

период 60-70-х годов, у власти находились политики, опиравшиеся на социально-экономические доктрины, предусматривавшие значительную роль государства для решения прежде всего социальных проблем.

Наши ситуация, безусловно, требует не только резкого расширения рыночных начал в экономике, но и достаточных социальных гарантий для населения. Сегодня идейные противники перехода к рынку находятся в меньшинстве, и необходимо сделать все, чтобы они не смогли получить социальную базу, достаточную для того, чтобы заблокировать любые перемены. Все эти проблемы будут решаться на практике, скорее всего, методом проб и ошибок. И здесь вновь нужно вспомнить о «подлинном политическом искусстве», которое необходимо для их решения и которого нам, к сожалению, пока не хватает.

* * *

Еще одна тема, вскользь затронутая Фридманом, стала предметом полемики. Причем тема эта оказалась в центре достаточно широкого обсуждения в прессе летом 1991 г. в связи с появлением программы "Согласие на шанс", идея которой была предложена группой Г. Явлинского, и встречей М. Горбачева г. лидерами «большой семерки» в Лондоне. Интерес к ней возрос в связи с проектами помощи нашей стране после августовского переворота.

Речь идет о целесообразности «предоставления западными государствами крупной финансовой помощи формирующимся демократическим режимам» (№ 3, с. 19) Предоставление помощи, по мнению Фридмана, является «не только ошибочным, но и вредным». Такая помощь «затянет, а не ускорит переходный период... Помощь, оказываемая государству, укрепит его позиции и побудит к продолжению пагубного вмешательства в экономику. Принятие же необходимых мер, направленных на построение свободной жизнеспособной экономики, будет отложено в долгий ящик» (№ 3, с. 19).

Конечно, соглашается Данилов-Данильян. «крупная иностранная» финансовая помощь, особенно безадресная, нецеленаправленная, способна только усилить структурные деформации. Однако при попытках говорить более конкретно, сло-

ва Фридмана теряют убедительность» (№ 3, с. 25). «Слишком кабинетными» называет рассуждения американского ученого Евстигнеев. Почему иностранная помощь не может ускорить переходный период, недоумевает он, если она смогла бы «компенсировать хоть в какой-то части резкое снижение нормы накопления и уменьшение доли военно-промышленного комплекса в валовом национальном продукте» (№ 5, с. 79). По мнению Обминского, такие рассуждения Фридмана представляются несколько односторонними: «...внешняя поддержка, которая обеспечила бы дополнительные ресурсы для маневра на этапе поворота к рынку, явилась бы немаловажным фактором успеха реформ, необратимости фундаментальных изменений в нашем обществе» (№ 4, с. 46). Ведь «в свое время американская помощь резко ослабленной после войны Западной Европе и Японии, несомненно, ускорила их переход к стабильной демократии и эффективному рыночному хозяйству.- напоминает Гринберг.-И нет причин сомневаться в том, что при правильной организации такой помощи восточноевропейские страны и СССР (если, конечно, он сохранит динамику начатых преобразований) воспользуются ею аналогичным образом как для собственного блага, так и в интересах остального мира» (№ 3, с. 22). Конечно, нельзя не учитывать, что что все речи людей заинтересованных. Все мы думаем о трудностях переходного периода, о кризисе, в котором находится советская экономика (и не только советская, Восточная Европа также переживает весьма нелегкие времена) и, объективно оценивая ситуацию, понимаем, что без посторонней помощи нам будет очень сложно выбраться из сложившейся ситуации. Нельзя также не видеть, что абстрактно отрицательное отношение Фридмана к финансовой помощи странам Восточной Европы и СССР (хотя оно и облечено в весьма жесткую конкретную форму) имеет под собой существенные основания. Не секрет, что до сих пор получаемые нами помощь и кредиты используются крайне плохо. По сути, именно в этой сфере позиции тоталитаризма оказались в наименьшей степени поколеблены. Ведь правительств-

во фактически не отчитывается в расходовании полученных средств, а раз нет отчета, то нет и ответственности. В результате гниют приобретенные товары, покупаются устаревшие оборудование и технологии. Поэтому необходимы совершенно иные принципы в получении и использовании иностранной помощи и кредитов, прежде всего их четкая адресность и целенаправленность. Все это уже стало предметом серьезного обсуждения и переговоров, в первую очередь на уровне союзных республик. Но если будут выработаны новые условия получения помощи, увязанные как с конкретной адресностью кредитов и ответственностью их получателей, так и (что особенно важно) с проведением страной общей линии на реформы, то, быть может, и мнение Фридмана по этому вопросу перестанет быть столь однозначно негативным

* * *

«В настоящий момент жизненно важен вопрос о последствиях политических переворотов в Восточной Европе,- пишет Фридман.- Крах тоталитарных режимов вызвал всплеск ликования во всех этих странах и в мире в целом. Однако сама легкость, с которой произошел этот крах, породила необоснованные ожидания быстрого улучшения экономического положения в результате политических перемен. Подобные надежды обречены, и

это грозит подорвать новые, еще хрупкие политические структуры» (№ 3, с. 16). Сейчас наша страна переживает тяжелый период, когда в атмосфере крушения иллюзий о возможности экономического чуда могут появиться (и появляются) сомнения в том, стоили ли преобразования тех жертв, которые были принесены. Бороться с такими настроениями можно, лишь опираясь на знание и о тенденциях в перспективах развития той системы, от которой мы пытаемся уйти, и об ошибках и просчетах, уже допущенных реформаторами, и о возможных путях выхода из кризиса. Сквозь эту призму мы и рассматриваем прошедший на страницах нашего журнала обмен мнениями и выражаем благодарность всем его участникам, прежде всего, конечно, давшему толчок всей нашей дискуссии Милтону Фридману, и выражаем надежду, что это не последнее его появление на страницах нашего журнала. Пусть предложенный им проект представляется нам слишком абстрактным. Конкретизация столь грандиозных преобразований чрезвычайно сложна и не вписывается в рамки небольшой статьи. По сути, это дело не только ученых, но и политиков, и всех, кто сегодня, пусть не без ошибок, закладывает основы новой экономики на шей страны.

© Н. Плискевич. 1991